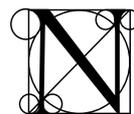

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Н. Вольпин*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Курсановой*

Бронте, Эмили.

Б88 Грозовой Перевал : [роман] / Эмили Бронте ; [пер. с англ. Н. Вольпин]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-096880-0

«Грозовой Перевал» (1847 г.) — один из самых известных романов о любви в мировой литературе. Его популярность с годами не уменьшается, а только возрастает. По нему снято огромное количество фильмов: экранизировали «Грозовой Перевал» такие мэтры кинематографа, как Луис Бунюэль и Жак Риветт; в фильме 1939 года главную роль исполнял Лоуренс Оливье, а в киноверсии 1992 года героиню сыграла Жюльетт Бинош. Сюжет романа вдохновлял композиторов на написание песен и баллад, даже в знаменитой саге «Сумерки» Стефани Майер есть упоминание о «Грозовом Перевале». Согласно многим рейтингам, это самая романтическая книга всех времен.

Только не подумайте, что этот роман — просто прекрасная история любви со счастливым концом. Это очень необычная книга, полная самых неожиданных поворотов сюжета, подчас оборачивающихся трагическим исходом. На фоне загадочных и мрачных явлений природы в душах героев бушуют такие страсти, которые поражают своей силой даже искушенного современного читателя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-096880-0

© Перевод. Н. Вольпин, наследники, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

Глава I

1801

Я только что вернулся от своего хозяина — единственного соседа, который будет мне здесь докучать. Место поистине прекрасное! Во всей Англии едва ли я сыскал бы уголок, так идеально удаленный от светской суеты. Совершенный рай для мизантропа! А мистер Хитклиф и я — оба мы прямо созданы для того, чтобы делить между собой уединение. Превосходный человек! Он и не представляет себе, какую теплоту я почувствовал в сердце, увидав, что его черные глаза так недоверчиво ушли под брови, когда я подъехал на коне, и что он с настороженной решимостью еще глубже засунул пальцы в жилет, когда я назвал свое имя.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

В ответ он молча кивнул.

— Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэра. Почел за честь тотчас же по приезде выразить вам свою надежду, что я не причинил вам беспокойства, так настойчиво добиваясь позволения поселиться на Мызе Скворцов: я слышал вчера, что у вас были некоторые колебания...

Его передернуло.

— Скворцы — моя собственность, сэра, — осадил он меня. — Никому не позволю причинять мне беспокойство, когда в моей власти помешать тому. Входите!

«Входите» было произнесено сквозь стиснутые зубы и прозвучало как «ступайте к черту»; да и створка ворот, к которой он прислонился, не распахнулась в согласии с его словами. Думаю, это и склонило меня принять приглашение: я загорелся интересом к человеку, показавшемуся мне еще больше нелюдимым, чем я.

Когда он увидел, что моя лошадь честно идет грудью на барьер, он протянул наконец руку, чтобы скинуть цепь с ворот, и затем угрюмо зашагал передо мной по мощеной дороге, выкрикнув, когда мы вступили во двор:

— Джозеф, прими коня у мистера Локвуда. Да принеси вина.

«Вот, значит, и вся прислуга, — подумалось мне, когда я услышал это двойное приказание. — Немуद्रено, что между плитами пробивается трава, а кусты живой изгороди подстригает только скот».

Джозеф оказался пожилым — нет, старым человеком, пожалуй, и очень старым, хоть и крепким и жилистым. «Помоги нам Господь!» — проговорил он вполголоса со сварливым недовольством, пособляя мне спешиться; и хмурый взгляд, который он при этом кинул на меня, позволил милосердно предположить, что божественная помощь нужна ему, чтобы переварить обед, и что его благочестивый призыв никак не относится к моему нежданному вторжению.

Грозовой Перевал — так именуется жилище мистера Хитклифа. Эпитет «грозовой» указывает на те атмосферные явления, от ярости которых дом, стоя на юру, нисколько не защищен в непогоду. Впрочем, здесь, на высоте, должно быть, и во всякое время изрядно прохватывает ветром. О силе норда, овевающего взгорье, можно судить по чрезмерному наклону

малорослых елей подле дома и по чередѣ чахлого терновника, ветви которого тянутся все в одну сторону, словно выпрашивая милостыню у солнца. К счастью, архитектор был предусмотрителен и строил прочно: узкие окна ушли глубоко в стену, а углы защищены большими каменными выступами.

Прежде чем переступить порог, я остановился полюбоваться гротескными барельефами, которые ваятель разбросал, не скупясь, по фасаду, насажав их особенно щедро над главной дверью, где в хаотическом сплетении облезлых грифонов и бесстыжих мальчиков я разобрал дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Мне хотелось высказать кое-какие замечания и потребовать у сердитого владельца некоторых исторических разъяснений, но он остановился в дверях с таким видом, будто настаивал, чтоб я скорей вошел или же вовсе удалился, а я отнюдь не желал бы вывести его из терпения раньше, чем увижу, каков дом внутри.

Одна ступенька ввела нас прямо — без прихожей, без коридора — в общую комнату: ее здесь и зовут домом. Дом по большей части служит одновременно кухней и столовой; но на Грозовом Перевале кухне, видно, пришлось отступить в другое помещение — по крайней мере я различал гул голосов и лязг кухонной утвари где-то за стеной; я и не обнаружил в большом очаге никаких признаков, что здесь жарят, варят или пекут; ни блеска медных кастрюль и жестяных цедилок по стенам. Впрочем, в одном углу сиял жарким светом набор огромных оловянных блюд, которые, попеременно с серебряными кувшинами и кубками, взообразились ряд за рядом по широким дубовым полкам под самую крышу. Никакого настила под крышей не было: вся ее анатомия была доступна любопытному глазу, кроме тех мест, где ее скрывало какое-то дере-

вянное сооружение, заваленное овсяными лепешками и увешанное окороками — говяжьими, бараньими и свиными. Над камином примостилось несколько неисправных старых ружей разных образцов да пара седельных пистолетов; и в виде украшения по выступу его были расставлены три жестяные чайницы грубой раскраски. Пол был выложен гладким белым камнем; грубо сколоченные кресла с высокими спинками покрашены были в зеленое; да еще два или три черных, потяжелее, прятались в тени. В углублении под полками лежала большая темно-рыжая легавая сука со своей визгливых щенят; по другим закуткам притаились другие собаки.

И комната, и обстановка не показались бы необычными, принадлежи они простому фермеру-северянину с упрямым лицом и дюжими лодыжками, силу которых выгодно подчеркивают его короткие штаны и гетры. Здесь в любом доме на пять-шесть миль вокруг вы увидите такого хозяина в кресле за круглым столом, перед пенящейся кружкой эля, если зайдете как раз после обеда. Но мистер Хитклиф являет странный контраст своему жилью и обиходу. По внешности он — смуглолицый цыган, по одежде и манере — джентльмен, конечно, в той мере, в какой может назваться джентльменом иной деревенский сквайр; он, пожалуй, небрежен в одежде, но не кажется неряшливым, потому что отлично сложен и держится прямо. И он угрюм. Иные, возможно, заподозрят в нем некоторую долю чванства, не вяжущегося с хорошим воспитанием; но созвучная струна во мне самом подсказывает мне, что здесь скрывается нечто совсем другое; я знаю чутьем, что сдержанность мистера Хитклифа проистекает из его несклонности обнажать свои чувства или высказывать ответное тя-

готение. Он и любить, и ненавидеть будет скрытно и почтет за дерзость, если его самого полюбят или возненавидят. Но нет, я хватил через край: я слишком щедро его наделяю своими собственными свойствами. Быть может, совсем иные причины побуждают моего хозяина прятать руку за спину, когда ему навязываются со знакомством, — вовсе не те, что движут мною. Позвольте мне надеяться, что душевный склад мой неповторим. Моя добрая матушка, бывало, говорила, что у меня никогда не будет семейного уюта. И не далее как этим летом я доказал, что недостоин его.

На взморье, где я проводил жаркий месяц, судьба свела меня с самым очаровательным созданием — с девицей, которая была в моих глазах истинной богиней, пока не обращала на меня никакого внимания. Я «не позволял своей любви высказаться вслух»; однако если взгляды могут говорить, и круглый дурак догадался бы, что я по уши влюблен. Она меня наконец поняла и стала бросать мне ответные взгляды — самые нежные, какие только можно вообразить. И как же я повел себя дальше? Признаюсь со стыдом: сделался ледяным и ушел в себя, как улитка в раковину; и с каждым взглядом я делался все холоднее, все больше сторонился, пока наконец бедная неискушенная девушка не перестала верить тому, что говорили ей собственные глаза, и, смущенная, подавленная своей воображаемой ошибкой, уговорила маменьку немедленно уехать. Этим странным поворотом в своих чувствах я стяжал славу расчетливой бессердечности — сколь незаслуженную, знал лишь я один.

Я сел с краю у очага, напротив того места, которое избрал для себя мой хозяин, и, пока длилось молчание, попытался приласкать суку, которая бросила своих щенят и стала по-волчьи подбираться сзади к моим

икрам: губа у нее поползла кверху, обнажив готовые впиться белые зубы. На мою ласку последовало глухое протяжное рычание.

— Оставьте лучше собаку, — пробурчал в тон мистер Хитклиф и дал собаке пинка, предотвращая более свирепый выпад. — К баловству не приучена — не для того держим. — Затем, шагнув к боковой двери, он кликнул еще раз: — Джозеф!

Джозеф невнятно что-то бормотал в глубине погребца, но, как видно, не спешил подняться; тогда хозяин сам прыгнул к нему, оставив меня с глазу на глаз с наглой сукой и двумя грозными косматыми волкодавами, которые с нею вместе настороженно следили за каждым моим движением. Я отнюдь не желал познакомиться ближе с их клыками и сидел тихо. Но вообразив, что они едва ли поймут бессловесные оскорбления, я вздумал на беду подмигивать всем трем и корчить рожи, и одна из моих гримас так обидела даму, что та вдруг взъярилась и вскинула передние лапы мне на колени. Я ее отбросил и подвинул стол, спеша загородиться от нее. Этим я всполошил всю свору: полдюжины четвероногих дьяволов всех возрастов и размеров выползли из потайных своих логовищ на середину комнаты. Я почувствовал, что мои пятки и фалды кафтана стали объектом атаки, и, отбиваясь кое-как кочергой от самых крупных противников, был принужден громко призвать на помощь кого-либо из домашних для водворения мира.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались по ступенькам из погребца с возмутительным хладнокровием; не думаю, чтоб они поторопились явиться хоть на секунду быстрее, хотя возня и визг у очага разбушевались вихрем. К счастью, подоспела помощь из кухни: дюжая тетка с подоткнутым подолом, засученными

рукавами и покрасневшимся от огня лицом ринулась, размахивая сковородкой, в самую гущу боя; своим оружием, а также и языком она действовала так успешно, что буря, как по волшебству, улеглась, и только у воительницы еще вздымалась грудь, точно море после сильного ветра, когда на сцене появился наконец хозяин.

— Что за чертовщина? — спросил он и так на меня поглядел, что я едва сдержался, обозленный столь негостеприимным обращением.

— Чертовщина и есть, — проворчал я. — В стаде одержимых евангельских свиней злой дух едва ли был так силен, как в этих ваших собаках, сэр. Оставить с ними гостя — все равно что бросить его в тигриное логово!

— Они никогда не тронут человека, если он сам ничего не тронет, — заметил хозяин, ставя передо мною бутылку и водворяя на место сдвинутый стул. — Собакам положено быть настороже. Стакан вина?

— Нет, благодарю.

— Не покусали?

— Когда бы так, я отметил бы укусившего своей печатью.

Черты Хитклифа смягчились в усмешке.

— Ну-ну, — сказал он, — вы разволновались, мистер Локвуд. Выпейте стаканчик вина. Гости в этом доме такая редкость, что ни сам я, ни мои собаки, признаюсь, не умеем их принимать. За ваше здоровье, сэр!

Я поклонился и ответил «за ваше!» — сообразив, что было бы глупо сидеть и дуться на неучтивость собачьей своры. Да и не хотелось мне доставить хозяину лишний повод позабавиться на мой счет, если придет ему такая охота. Он же, уступая, вероятно, мудрому соображению, что неразумно оскорблять выгодного

жильца, предпочел изменить своему лаконическому стилю — с пропуском личных местоимений и глагольных связок — и завел речь о предмете, который считал для меня занимательным: о достоинствах и недостатках избранного мною места уединения. Я нашел его очень сведущим в затронутом нами вопросе и, перед тем как уйти, решился по собственному почину объявить, что завтра зайду опять. Он, как видно, вовсе не желал вторичного вторжения. Тем не менее я приду. Удивительно, каким общительным кажусь я сам себе по сравнению с ним!

Глава II

Вчера к полудню стало холодно и сыро. Я уже почти решил, что лучше посидеть у камина в своем кабинете, чем брести по бездорожью, по слякоти на Грозовой Перевал. Однако когда я, отобедав (кстати, замечу, я обедаю в первом часу; ключница, почтенная матрона, которую мне сдали вместе с домом как его неотъемлемую принадлежность, не может или не хочет понять мою просьбу, чтобы обед подавали мне в пять), поднялся наверх в ленивом этом намерении и хотел уже войти в свою комнату, я увидел горничную, которая, стоя на коленях среди щеток и корзин для угля, развела адский чад, стараясь загасить огонь кучей пепла. Это заставило меня тотчас повернуть назад; я взял шляпу и, отшагав четыре мили, подошел к воротам в сад Хитклифа как раз вовремя: падали уже первые перистые хлопья снега.

Здесь, на голой вершине холма, земля затвердела от ранних бесснежных морозов, и холодный ветер пронизывал меня насквозь. Сколько я ни напирал, цепь не поддавалась, и я, перескочив через забор, пробежал

мощеную дорожку, окаймленную редкими кустами крыжовника, и тщето стучал в дверь, пока мне не свело пальцы и собаки не подняли вой.

«Проклятый дом, — сказал я мысленно. — Его обитатели так негостеприимны, такие невежи, что их стоило бы на всю жизнь засадить в одиночку. Я, во всяком случае, не стал бы днем держать дверь на запоре. Но все равно я войду!» С таким решением я взялся за щеколду и стал изо всей силы трясти дверь. Джозеф высунулся в круглое оконце сарая, показав свое кислое, как уксус, лицо.

— Чего вам? — закричал он. — Хозяин там, на овчарне. Пройдите кругом в конец двора, если у вас к нему дело.

— Есть кто-нибудь в доме, кто мог бы открыть дверь? — прокричал я в свой черед.

— Никого нет, одна хозяйка. А она не откроет, хоть бы вы тут до ночи грохотали.

— Почему? Вы, может быть, скажете ей, кто я такой, Джозеф?

— Ну уж нет! Не стану я путаться в это дело, — пробурчал он, и голова исчезла.

Снег падал густо. Я схватился за ручку двери в новой попытке, когда на заднем дворе показался молодой человек без пальто и с вилами на плече. Он прокричал мне, чтоб я следовал за ним, и, пройдя через прачечную и мощный двор с сараем для угля, водокачкой и голубятней, мы наконец вошли в просторную, теплую и приветливую комнату, где меня принимали накануне. Ее весело озарял пылавший в очаге костер из угля, торфа и дров, а у стола, накрытого к обильному ужину, я с удовольствием увидел «хозяйку» — особу, о существовании которой я раньше и не подозревал. Я поклонился и ждал, полагая, что она предложит мне

сесть. Она смотрела на меня, откинувшись на спинку кресла, и не двигалась, не говорила.

— Скверная погода! — сказал я. — Боюсь, миссис Хитклиф, не пострадала ли ваша дверь из-за нерадивости слуг: мне пришлось изрядно потрудиться, пока меня услышали.

Она и тут промолчала. Я глядел на нее, она глядела на меня — во всяком случае, остановила на мне холодный невидящий взгляд, от которого мне стало до крайности не по себе.

— Садитесь, — буркнул молодой человек. — Он скоро придет.

Я подчинился, кашлянул, окликнул негодницу Юнону, которая соизволила при этом повторном свидании пошевелить кончиком хвоста, показывая, что признает во мне знакомого.

— Отличная собака! — Я начал снова. — Не думаете ли вы раздать щенят, сударыня?

— Они не мои, — молвила любезная хозяйка таким отстраняющим тоном, каким не ответил бы и сам Хитклиф.

— Ага, вот это, верно, ваши любимцы? — продолжал я, указывая на кресло в темном углу, где, как мне показалось, сидели кошки.

— Станный предмет любви, — заметила она с презрением.

Там, как на грех, оказались сваленные в кучу битые кролики. Я еще раз кашлянул и, ближе подсев к очагу, повторил свое замечание о дурной погоде.

— Вам не следовало выходить из дому, — сказала она и, встав, сняла с камина две яркие жестянки.

До сих пор она сидела в полумраке; теперь же я мог разглядеть всю ее фигуру и лицо. Она была тоненькая и совсем юная, почти девочка — удивительного

сложения и с таким прелестным личиком, какого мне еще не доводилось видеть: мелкие черты, необычайно изящные; льняные кольца волос, или скорей золотые, падали, несобранные, на стройную шею, а глаза, если бы глядели приветливей, были бы неотразимы; к счастью для моего впечатлительного сердца, я прочел в них только нечто похожее на презрение и вместе с тем на безнадежность, странно неестественную в ее возрасте. Чайницы стояли слишком высоко, она едва могла дотянуться до них; я сделал движение, чтобы ей помочь; она повернулась ко мне, как повернулся бы скупец, если бы кто-нибудь сунулся ему помогать, когда он считает свое золото.

— Мне не нужно вашей помощи, — огрызнулась она, — сама достану.

— Прошу извинения, — поспешил я ответить.

— Вас приглашали? — повторила она.

— Нет, — сказал я с легкой улыбкой. — Вам как раз и подобало бы меня пригласить.

Она бросила ложку с чаем обратно в чайницу и с обиженным видом снова уселась: на лбу наметились морщины, румяная нижняя губа выпятилась, как у ребенка, который вот-вот заплачет.

Между тем молодой человек набросил на плечи совсем изношенный кафтан и, выпрямившись во весь рост перед огнем, глядел на меня искоса сверху вниз — ну, право же, точно была между нами кровная вражда, неотомщенная обида. Я не мог понять — слуга он или кто? И одежда его, и разговор были грубы и не выдавали, как у мистера и миссис Хитклиф, принадлежности к более высокому сословию; густые русые кудри его свисали лохматые, нечесанные; щеки по-мужицки заросли бакенбардами, а руки были у него загорелые, как у простого работника; но держался он

свободно, почти высокомерно и не проявлял рвения слуги перед хозяйкой дома. Не видя явных признаков, по которым я мог бы судить, какое место занимает он в доме, я почел за лучшее не замечать его странного поведения; а через пять минут явился Хитклиф, и я почувствовал себя не так неловко.

— Как видите, сэр, я пришел, как обещал! — воскликнул я с напускной веселостью. — И боюсь, мне придется посидеть у вас полчаса, если вы предоставите мне на это время пристанище от непогоды.

— Полчаса? — сказал он, стряхивая белые хлопья со своей одежды. — Удивляюсь, почему вам вздумалось гулять в самый разгар бурана. Знаете ли вы, что рисковали заблудиться на болоте? Даже людям, хорошо знакомым с местностью, в такие вечера случается сбиться с дороги; а сейчас, доложу вам, нельзя рассчитывать на быструю перемену погоды.

— Не дадите ли вы мне в проводники какого-нибудь паренька? А заночевал бы он на Мызе. Вы не можете отпустить со мной кого-нибудь из работников?

— Не могу.

— Нет, в самом деле? Что ж, придется мне положиться на собственное разумение.

— Гм! Когда же мы наконец сядем чай пить? — крикнул он парню в потрепанном кафтане, бросавшему попеременно свирепый взгляд то на меня, то на молодую хозяйку.

— Он тоже будет пить? — спросила та, обратившись к Хитклифу.

— Извольте подавать на стол, — прозвучало в ответ, и так яростно, что меня передернуло. Тон, каким сказаны были эти слова, избличал прирожденную злобность нрава. Теперь я уже не назвал бы Хитклифа превосходным человеком. Когда все было приго-

товлено, он пригласил меня к столу, сказав: «Ну, сэр, придвигайте ваш стул». Мы все, не исключая деревенского парня, сели за стол и в строгом молчании принялись за ужин.

Я полагал своим долгом, раз уж я навел тучу, как-нибудь ее рассеять. Не могли же они изо дня в день сидеть так угрюмо и молчаливо. Казалось невыносимым, чтобы люди, как ни дуры их нрав, могли изо дня в день сходиться за столом с такими сердитыми лицами.

— Странно, — начал я, жадно выпив первую чашку и ожидая, когда мне нальют вторую, — странно, до чего привычка меняет наши вкусы и понятия: иной человек даже и вообразить не в состоянии, что может быть счастливым, живя в таком полном отрешении от мира, как живете вы, мистер Хитклиф. Да, я сказал бы, что вы, в кругу своей семьи, с вашей любезной леди, чей гений правит вашим домом и вашим сердцем...

— Моей любезной леди! — перебил он с усмешкой чуть не дьявольской. — Где она, моя любезная леди?

— Я имел в виду миссис Хитклиф, вашу супругу.

— О, превосходно! Вы хотели сказать, что ее дух взял на себя роль ангела-хранителя и оберегает благополучие Грозового Перевала теперь, когда ее тело покоится в земле! Не так ли?

Поняв, что оплошал, я попытался поправить промах. Мне бы следовало сообразить, что при такой разнице в возрасте эти двое едва ли были мужем и женой. Ему лет сорок, пора расцвета духовных сил, когда мужчина редко обольщается надеждой, что девушка пойдет за него по любви: эта мечта становится утехой наших преклонных лет. А той с виду семнадцать.

Тут меня осенило: верно, этот деревенщина, что сидит со мною рядом, прихлебывает чай из блюда